

Найт Райан. Постидеологический импульс Михаила Бакунина: непрерывность между классическим и новым анархизмом

2020, источник: [здесь](#).

Краткое содержание

Эту статью направляет конкретный вопрос: представляет ли анархистская политическая теория неразрешимый парадокс? Более конкретно, является ли сама теория сужением подлинной социальной свободы, которую явно поддерживает анархизм? Я исследую эти вопросы через обсуждение мысли классического социального анархиста Михаила Бакунина. Я использую работу Бакунина, чтобы проанализировать «новых анархистских левых», стремясь понять сознательную попытку отделить анархизм от классического анархизма. Я подчёркиваю постидеологический характер работы Бакунина и всеобъемлющий скептицизм анархизма по отношению к власти. Кроме того, я утверждаю, что современные активисты могут извлечь уроки из мыслей Михаила Бакунина и что есть что сказать в пользу осознания непрерывности анархистской мысли и деятельности.

Постидеологический импульс Михаила Бакунина: непрерывность между

классическим и новым анархизмом

В последние годы мы стали свидетелями появления того, что многие называют новым анархизмом. Этот новый анархизм считается постидеологическим в том смысле, что он антисектантский, черпающий своё влияние из различных традиций. Он не принимает определенную идеологию, потому что рассматривает любую всеобъемлющую структуру как авторитарную угрозу человеческой спонтанности и свободе. Ярким примером является то, что развивалось в Сиэтле в противостоянии ВТО или, ещё более недавно, некоторые анархистские течения, которые можно найти в движении «Захвати Уолл-стрит». Напротив, классический анархизм считается отличным в том, что он сектантский, догматический и идеологически строгий. По сути, классический анархизм отвергается как анахроничный, устаревший и неактуальный в наше время.

Я хотел бы возразить против этого неудачного отвержения классического анархизма, кратко исследуя постидеологические теории классического социального анархиста Михаила Бакунина, которые подчеркивают его актуальность для анархистских течений в сегодняшней деятельности общественных движений. Однако сначала я хотел бы объяснить, что я имею в виду под постидеологическим. После этого я хотел бы очертить предполагаемую разницу между новым анархизмом и классическим анархизмом, прежде чем перейти к тому, что я вижу как актуальность Бакунина для современных анархистских движений в понимании этой постидеологической структуры.

Что такое постидеологический анархизм?

Дэвид Нил в статье «Анархизм: идеология или методология» проводит четкое различие между двумя тенденциями в анархистской деятельности, помогая нам понять эту постидеологическую склонность. В этой статье Нил пытается провести различие между анархизмом как идеологией и анархизмом как методологией. Для Нила идеология состоит из «последовательного набора идей, основанных на основном принципе» (Neal 1997). В этом смысле идеологические анархисты, которых Нил называет «анархисты с большой буквы А» подчеркивают приверженность строгому набору принципов, которыми руководствуются настоящие анархистские действия. Он пишет:

Анархисты [с большой А] подчеркивают идеологическое соответствие в качестве необходимого условия для социальной революции — другими словами, ты поглощаешь доктрины А, Б и В, и ЗАТЕМ ты Анархист. Их план действий вращается вокруг: 1) создания центральной Анархистской организации; 2) воспитания (например, идеологической обработки) рабочего класса по заветам Анархизма; 3) построения массового движения вследствие этого; 4) создания социальной революции. Анархисту нравится идея манифеста, платформы или другой руководящей доктрины как средства «распространения проповеди» — их акцент делается на единстве мышления и действия и идеологическом соответствии в

качестве основы для эффективной организации. (Neal 1997)

Для Нила эти «анархисты с большой А» угрожают антиавторитарным и спонтанным элементам анархизма, основывая свое понимание анархизма на фиксированном наборе стандартов. Вместо того, чтобы позволить анархизму развиваться из добровольного объединения, основанного на общей потребности и вне всеобъемлющей власти, идеологические анархисты продвигают приверженность определенной абстрактной анархистской программе, требующей определенного количества власти для поддержания.

Для Нила «анархизм с большой А» отличается от «анархизма с маленькой а» или того, что он называет методологическим анархизмом, именно потому, что «анархизм с маленькой а» осуществляется через добровольные объединения, основанные на общих потребностях. Он не придерживается фиксированных идеологических структур или предубеждений о том, что конкретно представляет собой анархизм, он основан на более открытой форме анархизма. В этом смысле анархизм — это не строгая теория будущего, которой мы должны придерживаться, это способ воплощения определённых идеалов взаимопомощи, добровольного сотрудничества и прямого действия. Это означает, что мы можем методологически использовать анархизм, даже не зная и не договариваясь о том, что на самом деле является анархизмом. «Анархизм с маленькой а» отвергает центральные анархистские организации как инструменты власти, которые подавляют человеческую свободу. Он видит себя как свободное скопление множества вдохновлённых анархистами течений, действий и идей. Можно сказать, что «анархизм с маленькой а» отвергает абстрактные идеологические структуры, которые формируют и ведут поведение человека в определенном направлении. Он полагается на свободное человечество, которое действует добровольно в соответствии с потребностями. Нил утверждает:

Мое главное возражение против идеологического анархизма заключается в том, что он зависит не от свободомыслия и прямого действия, а от послушания, пассивности и подчинения внешнему фактору — будь то манифесту, платформе или другим механизмам управления. Кроме того, он фокусируется на нисходящей, централизованной организации как средстве выведения анархизма из центра наружу. (Neal 1997)

Для Нила «анархизм с маленькой а» — это анархизм, который отвергает повиновение строгой догматической социальной теории и вместо этого развивается посредством свободных, спонтанных действий.

Разница в подходе отражается в различном отношении к анархистской истории и практике. «Анархисты с большой А» опасаются, что отказ от идеологической приверженности ведет к отказу от истории анархистской мысли, по крайней мере, с точки зрения признания ее полезности. Последствия этого — раскол и серьезное нарушение непрерывности в анархистской мысли и действии. «Анархисты с маленькой а» считают отсутствие идеологической приверженности у нового поколения активистов полезным, а формальную приверженность прошлому анархизма — ограничивающей. С этой точки зрения богатая история анархизма не имеет стратегического значения для современной борьбы.

Где различия между классическим и новым анархизмом?

«Анархизм с маленькой а» — основной компонент в составе того, что называют новым анархизмом. Утверждение состоит в том, что он отражает отход от более догматического анархизма середины двадцатого века и анархистских течений внутри старых левых. Дэвид Гребер объясняет этот отход:

На данный момент существует некоторого рода разрыв между поколениями анархизма: между теми, чьё политическое формирование имело место в 60-х и 70-х годах — и которые часто до сих пор не поколебали сектантских привычек прошлого века — или просто продолжают действовать в таких категориях, и более молодыми активистами, гораздо более осведомленными, среди прочего, о коренных, феминистских, экологических и культурно-критических идеях. Первые организуются в основном через хорошо видимые Анархистские Федерации, такие как Международная организация трудящихся, Северо-восточная федерация анархо-коммунистов или Индустриальные рабочие мира. Последние работают наиболее заметно в сетях глобальных социальных движений, таких как Народное глобальное действие, которая объединяет анархистские коллективы в Европе и в других местах с группами, начиная от активистов маори в Новой Зеландии [...] Последние — то, что можно условно назвать «анархистами с маленькой а», к настоящему времени составляют подавляющее большинство. Но иногда трудно сказать, так как многие из них не заявляют о своих симпатиях громко. На самом деле, многие так серьёзно относятся к анархистским принципам антисектантства и открытости, что отказываются называть себя анархистами именно по этой причине. (Graeber 2002, 3)

Взгляд Гребера отражает еще один аспект постидеологической тенденции. И он созвучен современной критике классических анархистов, таких как Михаил Бакунин, и идее о том, что политические и теоретические битвы, которые вели эти анархисты, принадлежат прошлому. Барбара Эпштейн пишет:

Анархистский менталитет сегодняшних молодых активистов имеет относительно мало общего с теоретическими дебатами между анархистами и марксистами, большинство из которых проходило в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. Он больше связан с эгалитарной и антиавторитарной перспективой. Есть версии анархизма, которые глубоко индивидуалистичны и несовместимы с социализмом. Но это не те формы анархизма, которые господствуют в радикальных активистских кругах, имеющих больше общего с либертарным социализмом, отстаиваемым Ноамом Хомским и Говардом Зинном, чем с трудами Бакунина или Кропоткина. Сегодняшние анархистские активисты опираются на поток морально заряженной и выразительной политики. (Epstein 2001)

В том же духе Пуркис и Боуэн пишут:

Теория анархизма работает на разных уровнях. Поскольку она предлагает радикальные изменения в обществе, она по существу идеалистична. Однако, на другом уровне, она

твёрдо укоренена здесь и сейчас в плане практических примеров того, как люди со всех сторон активно подрывают власть и авторитет, иногда странными и чудесными способами. Сферы теории и действия изменились, и теперь есть поколения активистов, действующих во многих областях протеста, для которых работы Кропоткина, Малатеста и Бакунина столь же далеки с точки зрения их описания мира, как литературные классики таких писателей, как Чарльз Диккенс. (Purkis and Bowen 1997, 2)

Похоже, что консенсус заключается в том, что новым анархистам практически нечему учиться у классического анархизма и что у них мало общего с классическим анархизмом. На мой взгляд, сознательная попытка игнорировать или отдалить современный анархизм от классического анархизма девятнадцатого века ошибочна.

Чтобы показать, почему, я рассмотрю несколько основных вопросов о Бакунине, поскольку он, несомненно, является важной фигурой в историческом каноне, который постидеологический анархизм отвергает: можем ли мы назвать мысль Бакунина идеологически догматической? Придерживается ли он строгих революционных принципов, которыми должна руководствоваться революционная деятельность? Поддерживает ли Бакунин фиксированную организацию общества, которая должна быть реализована как формальная идеология? Логика «анархизма с маленькой а» заключается в том, что ответ на эти вопросы — «да». Я буду утверждать, что ответ — категорически «нет». Я хотел бы изучить работы Бакунина о науке, авторитете и спонтанности, чтобы проиллюстрировать, почему это так. В качестве аргумента я буду использовать тексты, которые легко доступны обычным читателям и не ограничиваются специалистами.

Бакунин как постидеологический мыслитель

Бакунин критически смотрел на абстрактные идеи, особенно в отношении человечества и человеческого общества. Бакунин признавал, что угнетение и господство в материальном мире чаще всего осуществлялись с помощью каких-то абстрактных принципов, понимаемых как стоящих выше человечества. Это было потому, что Бакунин, сродни его современным коллегам-анархистам, понимал, что формирование человеческого действия в соответствии с абстрактными принципами подавляет добровольные и спонтанные объединения, которыми он так дорожил. По сути, это было ограничение человеческой свободы. Бакунин пишет:

До настоящего времени вся история человечества была лишь вечным и кровавым приношением миллионов бедных человеческих существ в жертву какой-либо безжалостной абстракции: богов, отечества, могущества государств, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага. (Bakunin 1970, 59)

Бакунин понимал, что навязывание абстрактных идей поведению человека является ограничением. Абстракции развивались как выражения определённых интересов и приводили к господству. В частности, он признавал, что они коренятся в традиционных

источниках власти, таких как бог и государство. Однако он продолжил эту критику, взглянув на способы использования науки в качестве аналитического инструмента для понимания материального мира. Он утверждал, что наука была продуктом человеческого разума и, следовательно, была субъективно ограничена. Наука могла воспринимать только общие идеи из бесконечного количества специфики и, следовательно, была неспособна понять индивидуальный опыт каждой человеческой жизни:

...человеческая мысль, а следовательно, также и наука, в состоянии схватить и назвать в действительных фактах лишь их общий смысл, их общие отношения, их общие законы; одним словом, мысль и наука могут схватить то, что постоянно в их непрерывных превращениях вещей, но никогда не их материальную индивидуальную сторону, трепещущую, так сказать, жизнью и действительностью, но именно в силу этого быстротечную и неуловимую. (Bakunin 1970, 54)

Бакунин подчеркивал важность спонтанной инициативы в человеческом взаимодействии. Для него эта спонтанность была чем-то, чего нельзя было предсказать, или нельзя было закрепить в строгих научных формулах. Наука работала на основе человеческого мышления и поэтому была способна понимать только общие идеи, но не разнообразие и непредсказуемость самой реальности.

Распознавая этот врожденный изъян в науке, Бакунин утверждал, что поддержание стихийной и свободной социальной жизни было важнее, чем позволение ей руководствоваться научной теорией. Направлять действие наукой — значит упускать из виду ее недостатки и, следовательно, угрожать жизни теоретическим авторитетом. Он пишет: «Жизнь [...] одна спонтанно творит вещи и все действительное сущее. Наука ничего не создает, она лишь устанавливает и распознает творения жизни» (Bakunin 1970, 55). Для Бакунина материальная реальность человеческого существования — включая его разнообразие, спонтанность, стремления и общую свободу — была реальной силой развития человеческой жизни. Сама наука ничего не создавала.

Критика науки как абстракции Бакунина отражает его приверженность человеческой свободе и спонтанности. Для Бакунина свобода существует в неограниченной возможности принятия решений, которую люди используют в течение своей жизни, исходя непосредственно из их собственного сознания. Это означало, что были действительно свободны в той мере, в которой они могут принимать решения без какого-либо внешнего принуждения. Бакунин пишет:

Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж.Ж. Руссо, и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, — что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида. (Bakunin [1993] 2002, 261)

Для Бакунина свобода опиралась на индивидуальную инициативу, либо развивающуюся из самого индивидуального сознания, либо свободно принимаемую индивидуумом. Любые ограничения на это угрожали свободе и вольности и, таким образом, создавали среду для процветания господства.

Бакунин понимал, что личная свобода и вольность соответствуют обществу, основанному на взаимопомощи, добровольном объединении и социальной свободе. Он утверждал, что только в обществе и только благодаря социальному сотрудничеству человеческая свобода и вольность могут быть полностью развиты:

Человек осуществляет свою индивидуальную свободу, или свою личность, лишь дополняя себя всеми окружающими его индивидами и лишь благодаря труду и коллективному могуществу общества, вне коего он остался бы, без сомнения, самым грубым и самым несчастным из всех жестоких животных [...] общество не только не уменьшает и не ограничивает, но, напротив, создает свободу человеческих индивидов. (Bakunin [1993] 2002, 271)

Бакунин признавал, что свободное сотрудничество и социальное взаимодействие друг с другом необходимо, чтобы люди могли полностью раскрыть свой потенциал. Только благодаря общественной жизни человечество может развить понимание мира и производить материал, необходимый для выживания в нем.

Бакунин рассматривал сотрудничество и взаимопомощь как синонимы индивидуальной свободы и как важнейший компонент выживания человека. Он также полагал, что люди сотрудничали бы друг с другом свободно и спонтанно, потому что это «естественный закон» или необходимый элемент их существования. Без этого свободного сотрудничества люди не могли бы выжить, не говоря уже о развитии. Он писал:

Как природа, так и человеческое общество, которое есть ни что иное, как та же природа, все, что живет — живет только под неперменным условием самого решительного вмешательства в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы смертью. Требуя свободы масс, мы вовсе не собираемся уничтожать естественные влияния, которым они подвергаются со стороны отдельных лиц и групп. Все, чего мы хотим, это уничтожения искусственных узаконенных влияний, уничтожения привилегий влияния. (Bakunin [1993] 2002, 257)

Для Бакунина было бы ошибкой думать, что индивидуальные интересы приводят к конкуренции или антагонизму. Вместо этого эта идея была абстракцией, навязанной властями — церковью и государством — используемой для структурирования общественной жизни ради выгоды определенных интересов. Бакунин утверждал, что тогда было важно искать и уничтожать эти абстракции, которые в противном случае препятствовали бы спонтанному функционированию общественной жизни. Это была роль, которую он дал теории, и ее цель была исследовательской.

Критика науки Бакуниным может быть применена к пониманию идеологии. Он понимал важность спонтанной жизни свыше любой заранее разработанной теоретической структуры.

Хотя скептицизм Бакунина насчёт объяснительной роли теории не касается конкретно социальной или политической теории, он отражён в его комментариях о науке:

Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и учение стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупения всего человечества. [...] В противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом; что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины, рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий, и что последние, всегда производимые ею и никогда ее не производящие, указывают только, как верстовые столбы, на ее направление и на различные фазисы ее самостоятельного и самородного развития. (Bakunin [1993] 2002, 327)

Критика науки Бакуниным и роль, придаваемая теории, придвигают его работу ближе к постидеологическому анархизму или «анархизму с маленькой а», чем признают критики. Он понимал, что спонтанная жизнь, когда ей не мешают авторитарные идеологии, будет функционировать таким образом, чтобы это было выгодно как человеку, так и обществу в целом. Бакунин использовал теорию не в качестве инструмента для руководства человеческой жизнью, но чтобы раскрыть проявления власти и авторитета, которые препятствовали этой спонтанности. Он понимал, что теория может быть освободительным агентом при определении конкретных идеологий, угрожающих свободе человека. Теория должна была использоваться не как идеология, а для выявления и отталкивания идеологического авторитета.

В соответствии со своим пониманием свободы и идеологического авторитета, Бакунин признавал необходимость создания организаций, основанных на свободной ассоциации и осуществлявшихся снизу вверх. Для Бакунина, если бы организации основывались на нисходящей иерархии, они неизбежно угрожали бы спонтанному и свободному развитию людей, составляющих организацию. Целью Бакунина было создание форм организации, которые покончили с авторитарными принципами и были основаны прежде всего на свободе и автономии. Он писал:

Политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к периферии, по принципу единства и вынужденной централизации, но снизу вверх и от периферии к центру, по принципу свободной ассоциации и федерации. (Bakunin [1993] 2002, 77)

Бакунин четко осознавал необходимость ликвидации структур организации, основанных на авторитете. Он видел, что эти авторитарные принципы были присущи организациям, которые были структурированы вертикально, где полномочия по принятию решений передавались сверху вниз. Организация социальной жизни развивалась из спонтанного социального взаимодействия, основанного на общей потребности. Она не должна была решаться извне социальной жизни, а затем реализовываться каким-то predetermined

образом.

В соответствии со своим скептицизмом в отношении идеологической власти Бакунин размышлял о том, как могло бы выглядеть будущее общество, основанное на принципах добровольного объединения, взаимопомощи и спонтанной организации. При этом он намеревался не развивать авторитарную идеологию, а использовать теорию для отклонения идеологий, которые могут мешать естественному функционированию социальных взаимодействий. Бакунин даже проверял себя при разработке таких идей:

Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и политической организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое, безусловно лишённое всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет ещё большее значение, стало бы в противоречие с самим принципом свободы. (Bakunin [1993] 2002, 77)

Бакунин понимал, что роль теории не в том, чтобы насаждать идеологические рамки человеческой жизни. Это противоречило свободному, спонтанному и добровольному обществу, которое он поддерживал. В то же время, однако, он признавал, что необходимо экспериментировать с формами общественной организации и думать о том, как можно поддерживать и давать возможность процветать добровольной и свободной ассоциации.

Бакунин обратился к основным принципам федерализма для развития своих идей. Для Бакунина федеральные организации были бы необходимы сразу же после социальной и политической революции, чтобы удовлетворить человеческие потребности. Он думал о федерализме как о форме организации; в экономическом плане как о единицах производства. Но федеральная система не была фиксированной структурой, которую следовало бы применять повсеместно. Скорее, это был мысленный эксперимент, призванный показать, что общество может быть организовано для поддержки свободной ассоциации и взаимопомощи.

Для Бакунина основной единицей политической организации была община, и он предполагал, что общины будут сотрудничать на основе добровольного объединения для удовлетворения коллективных потребностей. В ассоциации общины будут оставаться автономными и свободными в своем функционировании и принятии решений. Он писал, «каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации» (Bakunin [1993] 2002, 83). Никакая главенствующая власть не будет ограничивать свободное развитие каждой общины.

Еще один пример мыслей Бакунина об организационной структуре — то, как он сравнивал и противопоставлял Первый интернационал и государство. Это снова освещает постидеологичность использования теории Бакуниным. Бакунин использует теорию, чтобы выделить авторитарные элементы в государстве и сравнить его с тем, что он считал добровольной организацией (Первый интернационал). Его мысли не были направлены на

продвижение определённой идеологии. Скорее, они критиковали существующую (государство) и давали пример свободной ассоциации, возникающей в результате добровольного объединения, а не посредством силы (Интернационал).

Для Бакунина Первый интернационал был примером организации, которую он представлял. Он возник из материальных условий жизни рабочих в рамках капитализма и был попыткой объединить различные фракции левых и профсоюзные организации. Он развивался благодаря их борьбе, а не из абстрактных принципов. Бакунин пишет:

Международное товарищество рабочих было нам дано не теорией, родившейся в голове одного или нескольких глубоких мыслителей, но действительным развитием экономических фактов, тяжелыми испытаниями, каким эти факты подвергают рабочие массы. (Bakunin [1993] 2002, 252)

Интернационал служил примером такого добровольного сотрудничества, которое было необходимо для анархизма Бакунина и общего импульса к свободе, который он считал естественным. Он качественно отличался от организации государства:

Правительство Интернационала, если тут есть правительство, или, скорее, его организованное действие на массы всегда будет отличаться от всех государств тем существенным свойством, что оно всегда будет только организацией воздействия — не официального и не облеченного властью или какой-нибудь политической силой, но совершенно естественного — более или менее многочисленной группы лиц [...] Тогда как правительства [...] насильственно навязывают себя массам, принуждают их повиноваться им, исполнять их декреты, в большинстве случаев не стараясь даже хотя бы внешним образом осведомиться о их чувствах, потребностях и воле.

Поскольку Интернационал создавался добровольно на основе общих устремлений, Бакунин утверждал, что Интернационалу удалось разработать собственную политическую программу. По его мнению, не было речи о разработке собственной политической идеологии. Политическая программа была конкретизирована непосредственно в дебатах Интернационала. Любая попытка формализовать эту программу в политической теории была атакой на спонтанность. Для Бакунина отказ от теории в этом смысле был важнейшей силой Интернационала:

Ни одна политическая или философская теория не должна рассматриваться как фундаментальный принцип или быть включена в официальную программу Интернационала. Кроме того, принятие какой-либо политической или философской теории не должно быть обязательным в качестве условия для членства, поскольку, как мы видели, навязывание любой такой теории федерациям, составляющим Интернационал, было бы рабством или привело бы к разделению и распаду, что не менее катастрофично. Но из этого не следует, что в Интернационале не может происходить свободное обсуждение всех политических и философских теорий. Напротив, именно само существование официальной теории может убить такую дискуссию, сделав ее абсолютно бесполезной, а не живой и энергичной, и подавив выражение и развитие собственных чувств и идей рабочего. (Bakunin [1993] 2002, 302)

Идеи Бакунина об авторитете и спонтанности в его обсуждении науки и его анализ организационных структур дают ответы на вопросы, поставленные в начале этого эссе. Продвигает ли философия Бакунина определенные идеологические рамки, которые должны быть воспроизведены в человеческом обществе? Является ли мысль Бакунина сектантской, догматической или идеологически строгой? Что наиболее важно, мысли Бакунина авторитетно навязывают абстрактные принципы живому разнообразию человеческой жизни? Как я показал, Бакунин осознавал опасность идеологии, принимающей форму власти в обществе. Он использовал свою теорию в качестве инструмента для раскрытия и уничтожения идеологий, которые ограничивали свободное социальное взаимодействие человеческого существования. Его намерение состояло не в том, чтобы направлять человеческую жизнь, а в том, чтобы исследовать, как мы можем предотвратить направление человеческой жизни. Бакунин развил анархистскую теорию, чтобы противостоять опасностям авторитетного повиновения, которые, казалось, были присущи традиционному теоретизированию; он писал постидеологическим образом.

Вывод

Несмотря на то, что Бакунин явно осознавал опасность идеологии, он колебался на границе анархистов «с большой А» и «с маленькой а», очерченной выше. С одной стороны, в его творчестве присутствует высоко узнаваемый постидеологический оттенок. С другой стороны, Бакунин отчаянно искал объединенное международное движение, которое подорвало бы существующий буржуазный и государственный порядок. Именно здесь Бакунин наиболее важен для современных анархистских активистов и теоретиков. Он вообразил международную революцию, разрушение старого порядка, который высвободит творческие процессы свободной инициативы и прямой демократии и строительства новых свободных обществ.

Читая Бакунина, мы получаем представление о том, как мы можем укрепить наши постидеологические социальные движения, используя теорию, а не отбрасывая ее. Признавая опасность теоретизирования, Бакунин предложил способ задействовать теорию, не ограничивая спонтанную общественную жизнь. Кажется, что игнорировать его работу — значит отказаться от пути, который ведет к форме безвластной структуры, или метода, которым можно задействовать теорию без влияния господства.

Чем же тогда полезно чтение Бакунина и почему я вообще обеспокоен пренебрежением или отвержением Михаила Бакунина? Я думаю, что Бакунин предлагает нам способ использовать теорию в качестве критической линзы для выявления и борьбы с авторитарными структурами. Опора на Бакунина не угрожает подавить наши антиавторитарные общественные движения, но проясняет цели нашей борьбы и определяет наших врагов. Современные анархистские активисты могут плодотворно читать Бакунина, чтобы подумать о том, что поставлено на карту, когда мы боремся без четкого представления о препятствиях для трансформации и когда мы участвуем в теоретизировании, которое подавляет революционную практику.

Это задействование Бакунина указывает на более масштабный проект признания непрерывности анархизма как совокупности мысли и практики. Довольно часто мы слышим

о разнообразии и неоднородности анархизма. Это явно так, и я не хочу это отрицать. Тем не менее, важно подчеркнуть последовательности в анархистской деятельности, которая идентифицирует себя как анархическая, особенно в отношении либертарно-социалистического проекта, потому что они играли наиболее заметную роль в истории анархистской деятельности. Изучение этой непрерывности не является проектом овеществления, где мы должны каким-то образом применять или внедрять классические анархистские идеи в сегодняшние движения. Оно направлено на празднование богатой, все еще яркой истории анархизма, несущей шрамы сектантства и отличительные признаки разнообразия и дающей надежду реализовать мир, свободный от господства и эксплуатации. Изучение непрерывностей классической анархистской мысли состоит не в том, чтобы упасть в пасть власти, а в том, чтобы напомнить себе о наших прошлых битвах, выявить наши прошлые ошибки и в конечном итоге извлечь уроки из нашей сложной истории. Чтобы понять, кто мы, мы должны понять, кто был до нас, и взгляд на классический анархизм мог бы просто помочь сделать это.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 21 июня 2025 22:04:10

██████████ ██████████ обновил 21 июня 2025 22:06:53